

Шитоу мирно лежал на земле. Заклятие Обездвиживания, наложенное Сюэ Линцзином, он со грехом пополам источил и развеял, но чары Бессмертного владыки Улин не поддавались ни в какую. Приходилось лежать бревном, дико вращая глазами, чтобы хоть как-то выплеснуть бурлящую через край энергию.

Двое адептов школы Улин, которым поручили тащить его брентную тушу, после известия о гибели Чжан Цифэна выглядели так, словно хоронили родного отца. Шитоу лишь мысленно качал головой. Гораздо больше его сейчас занимало другое: покормят ли его сегодня ужином гостеприимные хозяева?

— Ты чего лыбишься? — вдруг злобно зыркнул на него один из учеников.

Шитоу невинно захлопал ресницами:

— Да бог с тобой, братец, разве я смеюсь?

— У всех лица чернее тучи, один ты сияешь как начищенный таз, — буркнул адепт. — Неужто это и впрямь ты порешил шишу Чжана и тех тридцати восьми братьев по оружию?

— А ты угадай, — Шитоу расплылся в лучезарной улыбке. — Как по мне, велика ли разница, моих ли это рук дело? Этот ваш Чжан... как его там? По его костям сразу видно: бессмертие ему не светило. Сдался ему этот Улин. Продолжай он свои тренировки, один чёрт долго бы не протянул. Не сегодня, так завтра заработал бы искажение ци, не завтра, так послезавтра его испепелило бы небесной карой. Смерти ему в любом случае было не миновать. Разница лишь в том, что при естественном исходе вам не пришлось бы мстить и тратить нервы, а теперь вы добровольно вешаете на себя карму. Зачем усложнять и без того тернистый путь самосовершенствования?

— Попридержи язык! — вскипел адепт. — Мы искореняем зло и караем пороки! Мы требуем справедливости за десятки загубленных душ, творим волю Небес! С каких это пор правое дело зовётся кармой?

Шитоу покотился со смеху:

— Воля Небес? Да что ты вообще знаешь о замыслах Неба, глупышка?

Ученик гордо вскинул подбородок:

— Добро всегда вознаграждается, а зло — карается. Таков высший закон.

Шитоу зашелся в хохоте, будто услышал лучшую шутку в своей жизни.

— Милый мой мальчик, Небеса сами устанавливают свои законы, а то, о чём лепечешь ты — выдумка смертных. Высшим силам плевать на людскую мораль. Если бы это было не так, почему во время недавнего призыва божества ваш великий глава Сюэ допустил непочтительное приглашение божества?

Юноша растерянно зыркнул в сторону Сюэ Линцзина, но тут же замотал головой, отказываясь верить услышанному.

— Суть самосовершенствования проста: плыви по течению Небесной реки, и проживёшь долго, — Шитоу лениво приоткрыл один глаз. — Человек полон страстей, дерево бесстрастно, а камню неведомы ни чувства, ни сердце. Оттого человеку отмерены жалкие десятилетия, дереву — века, а бездушный валун существует вечно. Даже стёртый в порошок и развеянный над безбрежным океаном, он не исчезает.

Адепт упрямо мотнул головой:

— Раз уж ты так истово веруешь в безжалостное Небо, шёл бы ты к Призрачной фее. В её секте Преисподней обожают толочь ступу нигилизма с такими, как ты. Мы же, последователи Бессмертного владыки Улин, свято верим в справедливость и великий долг. И спорить с тобой о добре и зле я не намерен.

— Какая чушь! — взорвался Шитоу. — Никакой ты не ученик владыки Улин. Ты — подпевала Сюэ Линцзина! Вы, смертные, обожаете ласкать свой слух сказками о благородстве, придумывая оправдания бесконечной резне, которая сама по себе — величайший бунт против Небес. Отсюда и взялись эти сопливые басни про «милосердную школу Улин». Каким боком тут вообще замешан этот хренов Бессмертный владыка?

— Шитоу.

Его гневную тираду прервал чистый, прохладный голос. Адепты школы Улин уже собрались в дорогу. Из окна роскошной кареты высунулся Сюэ Линцзин. Приподняв занавеску тонкой рукой, он скомандовал:

— Живо в экипаж.

— Слыхал? Меня велено доставить в покои, — Шитоу победоносно зыркнул на своего конвоира. — А ну, подсоби дедушке, пошевеливайся!

Ученик скрежетнул зубами, проглатывая оскорбление, рывком взвалил неподвижное тело себе на загривок и забросил Шитоу вглубь кареты, словно тюк со старым тряпьем.

Сюэ Линцзин задвинул плотные шелковые шторы и лёгким щелчком пальцев зажёл восковую свечу. По салону растёкся мягкий алый полумрак.

— Неужели глава Сюэ решил устроить мне свидание при свечах? — Шитоу томно захлопал ресницами, устремив на него призывный взгляд. — Ох, я прямо сгораю от смущения...

Сюэ Линцзин смерил его долгим, нечитаемым взглядом, после чего на его губах промелькнула едва заметная тень усмешки:

— Вообще-то, это допрос.

Шитоу скорчил уморительную гримасу, озираясь по сторонам:

— Нашёл чем пугать! Тоже мне, допрос. Ни кандалов тебе, ни плетей, ни раскалённого железа. Детский сад, честное слово.

— Будто тебя можно пронять кандалами, — холодно отозвался глава школы. Опустив глаза, он зажёл вторую свечу. — Спрашиваю в последний раз: зачем ты залез в гроб Чжан Цифэна? И приложил ли ты руку к его смерти?

Шитоу насмешливо вскинул бровь:

— А что же твоё хвалёное зеркальце? Почему в него не заглянешь?

Сюэ Линцзин на мгновение замялся.

— С твоими скрытыми талантами обойти Веер Светлого Зеркала — раз плюнуть. Картинка всё равно соvrёт. Проще спросить напрямую.

— И ты согласишься всему, что я скажу?

— Я выслушаю, — ровно ответил Сюэ Линцзин.

— Вот-задача, на слово верить и не думаешь, — Шитоу состряпал невообразимо обиженную мину. — Ладно, выкладываю как на духу. Прослышал я, что ищейки из Улин наводнили уезд Фэй. Испугался, грешным делом, что ваш хвалёный Бессмертный владыка оприходует меня без лишних прелюдий, ну и кинулся к своему старому другу, главе сопровождения Сюю. Умолял его спрятать меня на краю света. А у него как раз подвернулся заказ на перевозку покойника в те же края. Вот он и приказал мне лечь в домовину, чтобы мы с безжизненным братцем изображали парочку беглых влюблённых...

— Хватит, — Сюэ Линцзин поморщился, его брови сошлись у переносицы. — Ты бы ещё на базарной площади эту байку поведал. За кого ты меня принимаешь? Неужто я похож на круглого дурака?

— Ой, а куда делось твоё напыщенное «этот владыка»? — хмыкнул Шитоу, но тут же продолжил: — Не веришь — твоё право. Но ты разве не видел, как зыркал на меня Янь Чичэн, когда явился во плоти? Глазищи так и горели голодным зелёным огнём! Чистый волчара, не знавший ласки добрую сотню лет!

Сюэ Линцзин смолчал, лишь выразительно приподнял бровь.

— Если оставить в покое твои фантазии, — вздохнул он, — кто-нибудь из агентства сопровождения Сюй может подтвердить твои слова?

— Спроси у старого главы Сюя, — Шитоу надул губы. — Хотя, сдаётся мне, расспросить его уже не удастся. Он, скорее всего, мёртв.

Стоило ему договорить, как снаружи поднялся переполох. Полог кареты резко откинулся, внутрь запрыгнул Цэнь Цихэ. Быстро шепнув несколько слов на ухо главе школы, он так же стремительно покинул экипаж.

Сюэ Линцзин медленно повернул голову к Шитоу. Его взгляд сделался тяжёлым, свинец проступил в голосе:

— Сюй Фулинь мёртв.

Старик окончил свои дни точно так же, как его сын, молодой глава Сюй Чжэнсюань. Вся семья Сюй, включая слуг и наёмных охранников — несколько десятков живых душ, — сгинула в ненасытной пасти гигантского червя.

Над развалинами агентства сопровождения стлался такой удушливый смрад разложения, какого не встретишь и на заброшенном кладбище. Трудно было поверить, что всего несколько часов назад здесь кипела жизнь и толпился народ.

Сюэ Линцзин сокрушённо покачал головой и сделал едва заметный пас веером. Повинуясь безмолвному приказу, Цэнь Цихэ велел адептам прекратить обыск и взять карету в плотное кольцо охраны.

Цэнь Цихэ заговорил негромко, но твёрдо:

— Если Веер Светлого Зеркала не смог запечатлеть лик убийцы, причин может быть только две: либо его духовные силы превосходят наши, либо в его помыслах не было зла, отчего артефакт остался слеп. Как бы то ни было, заговор против вас, учитель, тщательно спланирован. Мешкать здесь бессмысленно — мы не найдём зацепок, но рискуем угодить в ловушку и лишиться прикрытия.

— Возвращаемся к переправе Персикового источника. С отбором учеников можно и обождать,

— устало выдохнул Сюэ Линцзин, принимая окончательное решение. — И отставить панику. Пока я жив, никто больше не посмеет забрать жизнь ни у одного адепта школы Улин.

— Каким путём прикажете возвращаться, учитель? — вкрадчиво поинтересовался Цэнь Цихэ.

— Возглавь адептов. Держитесь вместе, летите на мечях плотным строем и ни в коем случае не разделяйтесь, — распорядился Сюэ Линцзин. — А я полечу следом на Бисяо, прикрою тыл.

Цэнь Цихэ прекрасно понимал, что духовные каналы учителя всё ещё кровоточат после Непочтительного приглашения божества, но перечить не стал. Ограничившись парой тревожных предостережений, он поспешил отдать приказы к отбытию.

В последний момент Шитоу окликнул его, напомнив, чтобы не забыли забрать Лун-гэ и Сяо Нин. Цэнь Цихэ в нерешительности покосился на главу школы, но тот лишь безучастно прикрыл глаза, безмолвно давая добро.

Ребятишек, к их неописуемому восторгу, пристроили за спины двум искусным мечникам. Поднявшись высоко в лазурную высь, они оглашали окрестности пронзительным визгом — смесью дикого ужаса и неописуемой радости. Лица их то бледнели, то заливались румянцем.

Провожая их завистливым взглядом, Шитоу захныкал и, передразнивая детский лепет, пропищал:

— О Бессмертный владыка, я тоже хочу покататься на большой птичке!

Сюэ Линцзин даже ухом не повёл. Коротко свистнув, он призвал своего верного журавля Бисяо. Бесцеремонно взвалив Шитоу поперёк птичьей спины, словно мешок с овсом, он наступил ему ногой прямо на живот и легко взлетел на журавля сам.

Шитоу беззвучно заглотил ртом воздух.

— Ты же сам летать умеешь! — прохрипел он. — Обязательно было использовать меня вместо ступеньки? Ну и злопамятная же ты тварь!

Впрочем, злобы в этом жесте не было — подошва Сюэ Линцзина едва коснулась его, показавшись невесомой, словно пушинка. Вот только грязный след от промокших под дождём сапог теперь красовался прямо посреди белоснежного халата Шитоу.

Белый журавль взмыл в небо навстречу ветру. Иссиня-чёрные кончики его крыльев, острые как клинки, и ярко-алый хохолок контрастными мазками расчертили небесную синь.

— Какая благодать, великий мастер Сюэ! — во весь голос заорал Шитоу, подставляя лицо

встречным потокам воздуха. Ему безумно хотелось раскинуть руки и сплясать прямо на спине летящей птицы, но проклятое заклятие сковало его по рукам и ногам. Приходилось бревном лежать на боку. — Смилуйся над сиротой,ними ты эти чары!

— Это печать Бессмертного владыки, — донёлся сверху ровный голос. — С чего ты взял, будто мне под силу её разрушить?

Шум ветра безжалостно глушил его тихую речь, унося обрывки слов прочь.

Шитоу разочарованно фыркнул:

— Тогда спроси у своего ненаглядного владыки, когда он соизволит снова спуститься в мир смертных. Я сам к нему приползу на коленях, пускай расколдует!

Эта нелепая дерзость заставила Сюэ Линцзина снисходительно улыбнуться. Он даже позволил себе редкую колкость:

— Что ж, когда у меня будет хорошее настроение, я вновь совершу призыв и попрошу его снизить ради тебя.

— Да пока ты снизойдёшь, я успею окаменеть и превратиться в замшелый валун на дне Восточного моря! — захныкал Шитоу. — И почему у тебя вечно кислая мина? Ветер ведь чудесный! Неужто так убиваешься по усопшим ученикам? Или всё из-за того Непочтительного приглашения божества?

Сюэ Линцзин обречённо вздохнул. Этот несносный паршивец безошибочно бил по самым больным местам.

— Прежде чем совать нос в мои дела, ответь: случилось ли за сегодня хоть что-то, способное поднять мне настроение?

— Ветер приятный дует, разве мало? — весело рассмеялся Шитоу. — Мы мельком повидали самого владыку Улин, умылись весенним дождиком, подышали прохладой... Опять же, нашли холодный труп твоего непутёвого ученика. Сплошные радости!

Сюэ Линцзин лишь презрительно фыркнул, лишний раз убедившись, что вести беседы с этим безумцем — пустая трата времени.

— Ну ладно, давай я расскажу тебе кое-что любопытное, чтобы развеять твою хандру, а ты за это снимешь с меня заклятие? Договорились? — Шитоу заговорщически подмигнул. — Так вот, гроб с телом этого вашего Чжана наняла везти не какая-то там случайная родня, а школа Цаншань.

Он произнёс это с лёгкой, почти издевательской ухмылкой, словно травил застольный анекдот, но для Сюэ Линцзина эти небрежные слова прозвучали подобно грому среди ясного неба.

— Почему ты молчал до сих пор?! — ледяным тоном процедил глава школы.

— А толку говорить? Вы бы всё равно не поверили, тем более что все свидетели уже кормят червей, — отмахнулся Шитоу. — К тому же на меня повесили тридцать восемь трупов. Стал бы ты слушать какого-то бродягу вопреки показаниям своего драгоценного зеркала?

— И с чего ты взял, что я поверю тебе сейчас?

Шитоу лениво усмехнулся:

— Не веришь — ищи сам, я лишь указал тебе верную тропку, у меня ведь нет неопровержимых улик. Уж не знаю, перешла ли ваша хвалёная великая школа Улин дорогу какому-то мелкому клану под боком, но дела в этой школе Цаншань творятся престранные. Давеча я краем глаза наблюдал за их старейшинами во время отбора учеников. Они копались в кандидатах как свиньи в апельсинах, а под конец забрали с собой исключительно обрубков — либо тех, у кого нет и намёка на духовные корни, либо калек с безнадёжно повреждёнными каналами. Скажи мне, Сяо Сюэ, разве такие совпадения бывают?

Сюэ Линцзин оторопел:

— Ты не врёшь?

— О, неужто закрались сомнения? — самодовольно оскалился Шитоу. Его лицо в этот миг дышало дерзким, юношеским очарованием. — Советую покопаться в архивах и разузнать, впервые ли эта невзрачная школа Цаншань лезет поперёд батьки в пекло, перехватывая у вас новобранцев.

Сюэ Линцзин молча взвешивал каждое его слово, примеряя к общей картине заговора, но вдруг резко переменял тему:

— А как ты оправдаешь тридцать восемь жизней, загубленных лично тобой?

— Ну... — Шитоу замялся, — тут мне крыть пока нечем.

Сюэ Линцзин вперил в него пронизательный взгляд:

— За всем этим кроется что-то ещё, верно?

— Ого! Неужто ради меня глава Сюэ готов усомниться в непогрешимости своего Веера Светлого Зеркала? — Шитоу весело прищурился.

— Не льсти себе, — сухо оборвал его собеседник. — Я зывал к Бессмертному владыке Улин с мольбой покарать демоническое отродье, но получил лишь жестокую отповедь за непочтительное приглашение божества. Если бы ты действительно был исчадием тьмы, владыка не стал бы миловать грешника.

Шитоу горько вздохнул, всем своим видом выражая глубокое разочарование:

— Демон я или нет — думай сам, но запомни: этот твой Янь Чичэн — порядочная сволочь. Он пощадил меня и наказал тебя лишь по одной простой причине. В его извращённом уме я — его тайный любовник, которого нужно оберегать пуще зеницы ока. Он скорее скормит тебя псам, чем позволит пылинке упасть на мою прекрасную голову.

Сюэ Линцзин лишился дара речи.

— Смертный, мне давно не даёт покоя один вопрос, — выдал он наконец. — Откуда в тебе столько непомерной спеси? С чего ты взял, будто Бессмертный владыка станет марать своё честное имя домогательствами до какого-то безродного бродяжки?

— Твоя слепота воистину поразительна! — искренне возмутился Шитоу. — Личиком я вышел краше утренней зари, талантами не обделён, да и в ратном деле мне равных сыскать надо. Да если Янь Чичэн вздумает взять меня в жёны, это для него будет величайшей честью! С какой стати ему позориться?

Сюэ Линцзин понял, что спорить бесполезно. Вместо ответа он просто уселся прямо на распростёртого Шитоу, скрестив ноги в позе лотоса, и закрыл глаза, погружаясь в медитацию.

— Эй, ты издеваешься?! — Шитоу тщетно пытался испепелить его взглядом, но Сюэ Линцзин оставался недвижим, словно каменная статуя. Заскучав, пленник принялся канючить: — Ну прекрати ты медитировать! Всё равно бессмертным тебе не стать, только зря время тратишь. Конец у всех один — сгниёшь в земле, как и тот Чжан. Жизнь слишком коротка, нужно ловить момент! Сними оковы, лапушка, я отведу тебя в лучший кабак, напьюсь в стельку!

Сюэ Линцзин даже бровью не повёл, полностью отстранившись от брэнного мира.

— Я ведь серьёзно говорю, Сяо Сюэ, — умерив паясничанье, тихо произнёс Шитоу. — Ты ведь добрый малый. Мечтаешь о благе, жаждешь великой справедливости... Да только Небесному Пути до твоих идеалов нет никакого дела. Великое Дао безжалостно: оно насылает бури и ураганы, крушит кровли мирных домов, морозом губит нищих на дорогах и засухой морит пахарей в полях. И если ты вздумаете встать у него на пути — оно просто испепелит тебя молнией. Зачем тебе это? Поверь, умирать от удара молнии чертовски больно.

— Оставь эти прописные истины малолетним глупцам, — медленно разомкнул веки Сюэ Линцзин. — Я знаю, каков мой путь. И если я храню чистоту помыслов, то не позволю себе погрязнуть в грязи смертного мира и запятнать душу грехом.

Шитоу на мгновение лишился дара речи, его рот удивлённо приоткрылся. Но уже спустя секунду он справился с замешательством и вновь набрал в грудь воздуха, готовый завести старую волынку.

— Пискнешь ещё хоть слово, — ледяным тоном предупредил Сюэ Линцзин, — и я самолично вытру о твоё лицо свои грязные сапоги.

Шитоу обиженно надулся и наконец заткнулся.

<http://bllate.org/book/18360/1798413>